

Хань Цихэ помог Шангуань И войти в комнату и включил свет, но, испугавшись увиденного, тут же погасил его. Он толкнул Шангуань И в ванную, быстро стянул с него одежду и вышел.

Чем только не занимается эта богачка от нечего делать! Хань Цихэ покачал головой, оглядывая убранство комнаты. Он зажег одну за другой ароматические свечи, расставленные в форме сердца, и, покорно исполняя её задумку, прижал к груди букет роз, дожидаясь, когда тот выйдет. Кровать и пол были усыпаны лепестками роз, которые в мягком желтом свете свечей выглядели по-особенному чарующе.

Шангуань И лежал в ванне, не отрывая глаз от экрана телефона, где сменялись фотографии. Он и сам не мог понять, что творится у него на душе.

— Возможно, ты не веришь в любовь с первого взгляда, но я поверил, — звучал голос с экрана. — Впервые увидев тебя, такого подавленного, я словно увидел самого себя в прошлом. Я помогал тебе не потому, что ты был мне нужен, а потому, что я полюбил тебя. Полюбил так же сильно, как самого себя. А кто может быть дороже собственного я? Ты согласен? Позже, когда мы сблизились, я уже не мог сдерживать свои чувства. На самом деле, я заботился о тебе даже больше, чем о себе. Но ты ведь мужчина! Я мучился, я был в смятении. Я знал, что ты за дверью, но всё равно нарочно сказал, что всю жизнь буду любить лишь Ань Цзыфан. На самом деле, ты не знаешь, но мои чувства к ней всегда были лишь простой дружбой. Я и сам этого не понимал, пока не встретил тебя. Я не мастер красивых слов, поэтому могу выразить свою любовь только так! Люблю тебя! Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю тебя...

Изображение внезапно сменилось доказательствами того, как Ань Цзыфан преследовала Хань Цихэ, а затем экран погас, и на нем высветились четыре слова: Будем вместе!

Ань Цзыфан с облегчением рухнула на кровать. Самое ужасное — это когда никто не оценит твоих усилий. Фэн, я хорошо справилась? Она заплакала, нежно целуя урну с прахом.

— Шангуань! — Хань Цихэ передал букет Шангуань И и улыбнулся, как ребенок. С тех пор как Ань Цзыфан вернулась, они жили вместе и спали в одной кровати, но сегодня его сердце почему-то никак не могло успокоиться.

— Цихэ! — Шангуань И огляделся вокруг, и слезы непроизвольно покатались из его глаз. Он уже сомневался, хватит ли ему запаса слез, копившихся годами, чтобы выплакать всё сейчас.

— Давай спать! Доброй ночи.

Услышав это, Ань Цзыфан тут же воспрянула духом. Да быть того не может! И это всё? Всё совсем не так, как она себе представляла! А как же близость?

— Доброй ночи! — Шангуань И выключил свет. Они лежали вдвоем, скованные и неловкие. Шангуань И машинально потянулся к прикроватной тумбочке.

— Что это?

— Жвачка... — Хань Цихэ бросил взгляд и ответил небрежно, но тут же широко раскрыл глаза. Не успел он остановить его, как Шангуань И уже зубами разорвал упаковку.

Шангуань И свирепо уставился на Хань Цихэ. — Пфу-пфу-пфу! — он притянул мусорное ведро и начал яростно сплевывать, выбрасывая содержимое упаковки.

— Ха-ха... — Хань Цихэ неловко рассмеялся, положив руку рядом с Шангуань И. Тот повернулся и случайно скатился прямо в его объятия.

— Зачем ты положил это здесь?

Хань Цихэ продолжал неловко улыбаться. Ань Цзыфан оказалась предусмотрительной, всё подготовила. Она заранее распланировала, чем они должны заняться сегодня вечером.

— ? — Почему Хань Цихэ вдруг стал таким странным? Слушая его ровное, глубокое дыхание, Шангуань И внезапно почувствовал трепет. Его голова быстро пошла кругом, дыхание участилось. Глядя на красивое лицо Хань Цихэ, он понял, что теряет контроль, и быстро отвернулся, повернувшись к нему спиной.

Хань Цихэ продолжал неловко улыбаться. Похоже, наивный Шангуань так и не понял намека в его улыбке.

В другой комнате некая особа уже была близка к безумию. Почему эти двое такие нерешительные? Два взрослых мужика, разве не должно быть так, что кто-то из них возьмет инициативу? Кто из них актив, пусть даст ей знать!

— Мы...

Слова застряли в горле Хань Цихэ, словно камень. Он не мог ни вымолвить их, ни проглотить. Обычно он был красноречив, почему же сегодня так трудно подобрать слова? Неужели нельзя просто сказать всё то, что он хотел донести до Шангуань И?

Хань Цихэ медленно закрыл глаза, пытаясь выровнять сбившееся дыхание.

— Давай используем это?

— Зачем нам это использовать? Мы же не забеременеет.

Хань Цихэ был в полном замешательстве. Как ему ответить? Нельзя же прямо сказать

Шангуань И, что он чувствует себя странно: обычно, лежа рядом с ним, он такого не испытывал, а сегодня...

— Я собираюсь сделать кое-что, не бойся, — добавил Хань Цихэ.

— Что ты собираешься со мной делать?

— То, что полагается делать...

Девушка этажом выше в ярости колотила по дивану. Два идиота, будьте мужиками! Почему вы такие мямли? Как два мужчины могут быть такими нерешительными?

Шангуань И продолжал допытываться: — Что делать?

— Заниматься... любовью, — тихо прошептал Хань Цихэ, и теплый поток воздуха коснулся уха Шангуань И.

— Не надо... — лицо Шангуань И вспыхнуло, румянец дошел до самых ушей. Он приложил к щекам холодные ладони, пытаясь остудить жар.

— Я хочу!

Хань Цихэ навалился на него, его поцелуи обрушились, словно ураган. В какой-то момент он уже сорвал с них одежду и отбросил в сторону.

Шангуань И чувствовал его тяжелое, прерывистое дыхание и отвечал на поцелуи. Всё происходило слишком быстро, он не знал, как реагировать, никаких подсказок не было.

— Шангуань, я люблю тебя!

— Уже занимаются любовью, чего ты ломаешься! — прошептала Ань Цзыфан, подслушивающая у двери.

— Я тебя тоже. — Шангуань И обнял его за шею, отвечая на поцелуй.

Его тело послушно прогнулось, дыхание и сердцебиение участились настолько, что казалось, будто они вот-вот остановятся.

— Шангуань, посмотри на меня, пожалуйста.

— Ты просишь меня смотреть, пока мы делаем такое? Дай мне хоть немного сохранить лицо!

— Нет!

Снова последовал вихрь поцелуев. Шангуань И чувствовал, что у него больше нет сил сопротивляться, и лишь полусознательно подыгрывал ему. К его ужасу, это «занятие любовью» продлилось два часа...

— Я поставлю будильник на вибрацию! — Шангуань И выдвинул ящик, шаря рукой внутри. Он нащупал много разных вещей, но телефона среди них не было. Вдруг что-то в его руке начало вибрировать.

— Хань Цихэ! Что это, черт возьми, такое? — Шангуань И включил свет и начал швырять в него всё, что было в ящике.

Хань Цихэ неловко улыбался. Он был ни при чем! Теперь и не отмоешься, даже если прыгнешь в Желтую реку. Эта Ань Цзыфан способна на всё!

— Рано или поздно пригодится...

Не успел он договорить, как Шангуань И накрыл его подушкой и начал душить. — Если я использую всё это, то сдохну раньше времени!

— Нет-нет, опять...

Шангуань И закатил глаза. Ну что за человек?

— Ты из стали сделан? Смотри, не сломай чего-нибудь.

— Тогда ты можешь быть сверху!

— Бесстыдник! — Шангуань И послушно лег. Пожалуй, самым счастливым человеком в доме была не эта парочка, а Ань Цзыфан, которая всю ночь беззвучно смеялась за их дверью.

На следующий день он проснулся в два часа дня. Ань Цзыфан вошла в комнату с кастрюлей супа. Шангуань И тут же накрылся одеялом.

— Вставай! — ухмыльнулась она.

— Не встану!

— Ты же в одежде.

Шангуань И пощупал себя — и правда, он был одет. Но стоило ему высунуть ногу, как он тут же свалился с кровати вместе с одеялом!

— Что со мной? — его ноги были ватными, словно их отняли.

— Тебя просто хорошенько поймали! Ха-ха-ха-ха! — саркастический хохот разнесся по всему дому.

Шангуань И накрыл голову одеялом. Какой позор! Ему было невыносимо стыдно, но это была правда.

— Теперь стыдно? А кто вчера издавал такие душераздирающие вопли? Хочешь послушать?

Не успел он возразить, как она включила диктофон. Шангуань И схватился за волосы, готовый разорвать себя на части.

— Я сварила тебе суп, подкрепись...

— Голубиный?

— Не придуривайся! — кокетливо протянула Ань Цзыфан.

— Это же голубь, да еще и с двумя яйцами?

— Что ешь, то и восстанавливаешь. Попробуешь — поймешь!

Шангуань И не знал, стоит ли ему это понимать, но он уже догадался — у этих двоих совсем нет стыда.

Шангуань И яростно тыкал палочками в содержимое кастрюли, злясь больше, чем при встрече с убийцей своего отца.

— Пусть он не такой вкусный, как у Хань Цихэ, но он пожертвовал своей жизнью, чтобы ты восстановил силы! Будь благодарен.

— Убирайся! — он был в ярости. Нет, он был в бешенстве, в полнейшем бешенстве...